

Ощущение света

(стихи разных лет)

Приметы родины моей:
уютность сонных деревьев,
пустые звонницы церквей,
глаза запавшие старушек...
За чёрной слякотью дорог
грачи клюют каракуль пашни,
не видимый парок
свёт над ними...

День вчерашний
в озёрной глади отражён,
и долго слышен от колодца
ведёрно-бабий перезвон,
и много,

очень много солнца.

ЗИМНИЕ ОКРАИНЫ

Кристалльно-нордический окрик
окраины ранит,
под тяжестью инея гнутся, кряхтя,
провода,
И так неожиданны жаркие вспышки
гераней
сквозь мутную толщу оконного
тёмного льда...

Лилейные дымы,
подобно волшебным растениям,
над стылými крышами выются,
А время крадётся по скользким,
скрипучим ступеням —
колючей позёмке не вытравить
угловый след,

Становится зримым, молочно
клубится дышанье.
старик закурил и глядит
из-под белых ресниц
И пёс рыжеухий, зевнув, упоённо обляял
величье холодное высокомерных столиц.

РАЗГОВОР СО ВРЕМЕНЕМ

Время, пока мы вместе,
в этом чужом подъезде
посиди со мной на ступенях.
Поговорим.
Видишь, в ложбинке крестик
из потемневшей меди,
а перед ним — на коленях
пилигрим.
В ритме сердечных сжатий
крутится серый винтик —
лестниц пустынно-зябких
серпантин.
В этой бетонной шахте,
как в дьявольском лабиринте,
дверей четыре десятка,
а выход — один.
Здесь облупилась краска —
зелёная на решётке

перил — завитком оборвался
поток...
Время, ты тоже в маске.
В проёме лестничном
шёлковый
кружится в ритме вальса
твой платок.
По обнажённым венам
лифт прокатился глыбой.

В чреве его целуются
двойники.
На этих прохладных стенах,
пропахших дымом и рыбой,
наши с тобой публикуются
дневники.

КРЫЛЬЯ

На снегу, на песке, на доске,
на вуали трёхдневной пыли,
на окошке замёрзшем, в сквер, —
единение полусфер
я тебе нарисую —

крылья —
распахнутые,
чтобы цвели,
поднимали, парили, вели,
реяли,
воздухоплыли,
от темноты укрыли,
от любопытных глаз,
от неискренних фраз,
от грохота города —
до свечения в вышине —
к тишине.
Чтобы в час роковой —
спасли.
Чтобы вместе с тобой —
росли.

Далеко по-над русской равниной
Виден крыльев орлиной размах —
Это город мой тополиный
Отражается в куполах.
Дом Тургенева. Дом Лескова.
Здесь по линии береговой
Слышно эхо нетленного слова,
Виден памяти крест вековой.
Два крыла — на одно дыханье.
Как от левой до правой руки —
Невесомое расстояние
Здесь от Орлика до Оки.
Здесь земля всех других теплее,
Мне дороже земли этой нет.
Рождены и укрыты ею
Навсегда отец мой и дед.
И возможно ли большее счастье —
Будто тоже крылья обрёл —
Утонуть в твоих тёплых объятьях
И остаться с тобою, Орёл.

Август — торба расписная:
Яблок красные шары,
Листьев прозелень резная
Потускнела от жары,
Над водой блестят стрекозы,
Куры прячутся в кустах,
Бахромою на берёзах
Обтрепалась береста.
Вдоль оврага дух медовый.
На мостках сидит рыбак:
Ждёт богатого улова,
В самокруточке — табак.
Скачет по траве кузничек,
Шмель качнулся бубенцом,
С луговины тёплый вечер
Дышит травами в лицо.
Проплыл через деревню
Смуглый велосипедист.
А в саду упал на землю
С яблонь первый жёлтый лист.

Летний день ленив и жарок;
и живой пронзает луч
череду прозрачных арок
в речке.
Воздух сух, тягуч.
С ветки прочной,
будто с вышки,
спрыгнув там, где глубоко,
плещутся,

кричат мальчишки:
«Как парное молоко!»
Из-под листьев глаз скворечный
наблюдает — «подсеку!», —
как бежит жучок беспечный
по горячему песку.

СВЕТ

А я далеко...
Я уже не здесь.
Ветрами отрезан
От стен и башен,
Зелёными ёлками
Машет лес,
И тихое поле
Бело от ромашек.

Там я, в этом поле,
Бегу конём,
Копытами эхаю
В гулкое небо.
Там я, в этом небе,
Пою огнём,
Чтоб вновь от земли
Подниматься хлебом.

Мне с детства понятен
Язык воды,
Струящейся вверх —
От корней до кроны.

Ты видишь мерцанье
Далёкой звезды?
Я — свет. И живу
По своим законам.

Я есть и пребываю
Во веки веков
Рождённым для воли,
Любви и странствий.
Храни меня здесь.
И тогда далеко
Я силой своею
Наполню пространство.

На доске деревянной — краюха хлеба —
пахнет прогретым на солнце зерном.
Вкус молока с земляничкой.

Мне бы
вернуться в тот дом...
Вернуться в то ощущение света,
в ту его часть, в тот его век,
в котором радужная комета
летит через космос сомкнутых век.
Раскинув руки, тонуть в колючей
солومه, в жаре, в цветочной пыльце,
прислушаться к воркованью излучин
с дурацкой улыбочкой на лице,
Потом, не жалея чумазных пяток,
шагнуть в горячую пыль босиком,
пройти вдоль колхозных картофельных
грядок
к теннисной запруде, где
жёлтым песком,
камешками-голышами, ракушками
выстлано дно.
Весь осокой зарос
и одуванчиками-веснушками
берег — усыпан до самых берёз,
до самого края просторного неба,
до плит, из которых растут города...
До возрала в строчке,
из которого мне бы
сюда возвращаться.
Пусть — иногда.